

ВАЛЕНТИНА СЕМЁНОВА

ИГРИЩЕ

Об “Утиной охоте” Александра Вампилова

Парадоксальность, свойственная творениям Вампилова, удивительным образом сопутствует его литературной судьбе. С одной стороны, итог, безусловно, важный: за эти годы общество осознало, что Вампилов – последний классик драматургии XX века, с другой, то “восторженное непонимание” драматурга, о котором критика говорила 30 лет назад (М. Туровская), продолжается по сей день. Более того, мы удалились от Вампилова по причине нашего общего постперестроечного “раскультивования” и падения театра.

О последнем прискорбном явлении удрученно писала “Литературная газета”, открывая дискуссию на тему русской драмы. И не кажется излишне заостренной рубрика “Предательство театра”, предвещающая вопросы: “Что мы имеем сегодня на родных подмостках, если попытаться обозреть всю картину с самого верхнего яруса? Труп классики – новаторски оскверненный или талантливо гальванизированный? Импортную комедию, очень смешную, но намертво забываемую на уровне гардероба? Череду бодрых и разудалых капустников?” и т. д.¹

Прилично ли говорить в подобных обстоятельствах о высоком назначении театра, тревожить тени великих, выдающихся и просто талантливых? Но достижения отечественной сцены не велят поддаваться унынию и заставляют ждать, и смотреть, и негодовать, и терпеть одно разочарование за другим.

Вампилова сегодня ставят главным образом к юбилеям, да еще в связи с фестивалем, который носит имя драматурга и проводится в Иркутске с 1997 года. Постановки по Вампилову присутствуют непременно – за шесть лет (фестиваль проводится раз в два года) их прошло около тридцати.

Кому-то чего-то удалось больше, кому-то меньше, но общее впечатление далеко не радужное и не радующее. И это при том, что вампиловский юмор, в какой раз ни читай, неизменно вызывает смех, а герои взывают к сочувствию. Но на сцене акценты расставляются так, что подтексты, рожденные в голове режиссера, желающего отличиться от других режиссеров, затемняют ясный вампиловский текст, а уж эти примитивные “оживляжи”, потуги сделать смешнее, чем у Вампилова, ничего кроме раздражения и усталости вызвать не могут.

Ранняя гибель драматурга, не дожившего совсем немного до своей настоящей славы, и трудная судьба его героев, беззащитных в доброту, не понятых в слабостях, отзываются одной болью в сердцах читателей и зрителей, и эта боль не проходит с годами, заставляя заново перечитывать, передумы-

¹ Тимашева М. Драма безволия // Лит. газета. 2008. 6–12 февр.

вать, искать причины недоволощенности образов, неузнавания того, что было увидено Вампиловым раньше других, но от чего предпочли отвернуться.

* * *

*Человек с двоящимися мыслями
не тверд во всех путях своих.*

Иак. 1, 8

Сложная, загадочная, неподдающаяся для постановки – такую славу снискала “Утиная охота” – лучшая, по мнению многих критиков и по мнению самого автора, что немаловажно, пьеса драматурга. С другими проще, они понятнее своими конфликтами, характерами, выводами, которые можно сделать в финале. В “Прощании в июне” (с более точным первым названием “Ярмарка”) остро столкнулись расчет и любовь, в “Доме окнами в поле” и “Старшем сыне” любовь побеждала, во второй из этих комедий побеждала, можно сказать, вдвойне. Не потому ли и судьба у “Старшего сына” счастливая – в 1971 году, еще при жизни Вампилова, пьеса прошла более 1000 раз в 28 театрах страны, став одним из лидеров сезона¹. Все объяснимо и в драме “Прошлым летом в Чулимске”, даже с учетом двух вариантов концовки – первоначальной трагической, с самоубийством Валентины, и той, что стала окончательным вариантом, – Валентина вновь чинит палисадник. Верно и то и другое: участь добра и чистоты гибельна в грубой действительности, в то же время есть примеры их стойкости наперекор всему, что предпочтительнее – не отнимается надежда.

В пьесе “Утиная охота” и в самом деле есть какой-то секрет, какая-то ловушка не только для режиссера и актеров, но и для зрителей. Попадая в нее, все вдруг оказываются не сторонними наблюдателями, а близкими свидетелями (не далекими от соучастия) не ими затеянного действия. Действа, от которого лучше держаться подальше. Оно обезоруживает беспощадной откровенностью, оголенностью внутреннего облика героев, завораживает игрой – столь же блистательной, сколько и опасной, ибо сближаются в ней смыслы с противоположными знаками. Один музыкальный перевертыш, когда траурная мелодия превращается в легкомысленную, чего стоит! А сама композиция пьесы: от конца событий к началу, потом опять к концу, оказываешься сразу в двух временах – настоящем и прошлом, каждое имеет свое течение; воспоминания героя то и дело перебиваются порывами к немедленному действию, находится место и мистике – видения, телефонные звонки, неизвестно чьи и откуда, наконец, пружина действия распрямляется на грани жизни и смерти. . . Внутри этой круговерти – выкрутасы героя. Он не знает сам, куда его несет: влюбляется – охладевает, обижает других – раскаивается, разочаровывается в себе – обличает окружение, готов застрелиться – переводит дуло на друзей. . . Пик этих качелей – состояние, когда “плачет он или смеется, понять невозможно”. . . Он ли, герой, играет со своей компанией, драматург ли со зрителями. . .

Каково все это представить на сцене! . . В том, что театр пока не справился, несмотря на отдельные относительные удачи, вина не одного театра. Сцена – зеркало жизни, это известно давно, и если общество прошло мимо каких-то вопросов, поставленных драматургом, или исказило их суть, то можно ли всю ответственность возлагать только на театр? Вряд ли.

* * *

Главная причина неудач в постановке “Утиной охоты” – в поверхностном прочтении текста, или, точнее сказать, в предвзятом прочтении, когда неоднозначность образов, противоречивость в поведении действующих лиц подгоняются под идею, которая давно владеет толкователем пьесы или рождается вдруг, неожиданно для него самого, под влиянием вырванной из контекста фразы. Торопливость, нежелание вчитываться, размышлять над созданием

¹ Нарожный В. С. Прижизненные постановки и отношения с театрами // Мир Александра Вампилова. Иркутск, 2000. С. 60.

художника, стремление навязать свое видение – это все характерные черты нашего отношения к первоисточнику. И получается, что о произведении спорят многие, не участвует только автор с его текстом.

Вопрос: а нужно ли сегодня перечитывать “Утиную охоту”? Не ушла ли она в прошлое вместе со своим мятущимся героем? Кому сегодня интересны его метания, сопровождаемые пьянством, что едва ли не соотносимо с клиническим случаем, живописно изображенным? И коль сегодня человек человеку не друг, не товарищ, не брат, а конкурент, то зачем разбираться с Виктором Зиловым – пусть падающий упадет скорее!

И все-таки разбираться стоит, хотя бы потому, что это, во-первых, классика, как уже признано, а во-вторых, совсем не помешает вернуться туда, откуда мы начали падать, да все никак не могли сообразить – падаем или нет, один ли виноват перед всеми, все ли перед одним... Подумаем еще раз, вдруг да и пригодится.

* * *

Будем въедливы и начнем с жанра.

“Утиная охота” обозначена как пьеса. И хотя автор в начале работы над ней называет ее трагикомедией, что следует из его письма Е. Якушкиной, но на выходе осталась пьеса¹. Согласно словарю: “пьеса, 1. Драматическое произведение для театрального представления. 2. Небольшое музыкальное произведение. 3. (Устар.) Небольшое литературное произведение (обычно стихотворное). (Франц. *pièce*)” (Современный русский язык. В 4-х тт., т. 4, 1987). Но почему тогда “Прошлым летом в Чулимске” – драма, а “Утиная охота” – пьеса? Дополнительный оттенок находим в Словаре Даля: “пьеса, фрн. (*pièce*), музыкальное сочинение или // драматическое представление, игрище”.

Вот-вот – игрище. Нечто большее, чем просто игра. И музыка – часть игрища. На фоне причудливых, если не сказать кошунственных, ее превращений и разворачивается судьба-спектакль Виктора Зилова.

* * *

Появление Зилова в конце 60-х годов ушедшего века вызвало шок и отторжение. Е. Стрельцова в своей книге “Плен “Утиной охоты”, кстати сказать, написанной искренне и трепетно, с верно выбранным эпиграфом (что, однако, не отменяет нашего несогласия с автором в трактовке образа Зилова), приводит мнения критиков советской эпохи о новом герое. При небольших расхождениях они смотрят на него примерно, как К. Рудницкий, назвавший Зилова “редкостным образчиком цинизма”².

Но постепенно, примерно к 80-м годам, начинается оправдание Зилова. Так, иркутянин Н. Антипов в книге “Наедине с совестью” в 1981 году пишет: “Зилов не лишний для жизни. Он самый нужный для нее. И нужный именно таким вот пробудившимся, недовольным собою и обывательским бытом”³. В его же статье в сборнике “Мир Александра Вампилова” слово в защиту Зилова взмывает до высот необычайных: “И он (Зилов. – **В. С.**), имея в сердце неизмеримые драгоценные духовные сокровища, идет навстречу давно омертвевшим душам (имеются в виду офицант, Кушак, Саяпин. – **В. С.**)”. “Зилов – человек особой отмеченности, выделенности, некоторой природной исключительности” (курсив авт. – **В. С.**). “Неповторимый”, “уникальный”, “единственный”⁴.

Москвичка Е. Стрельцова в вышеупомянутом исследовании солидарна с Н. Антиповым и хотя восклицает, что не оправдывает Зилова, однако пи-

¹ Вампилов А. В. Стечение обстоятельств: Рассказы и сцены; фельетоны; очерки и статьи. Иркутск, 1988. С. 400.

² Стрельцова Е. Плен “Утиной охоты”. Иркутск, 1998. С. 230.

³ Там же. С. 231.

⁴ Антипов Н. П. Виктор Зилов как литературный архетип // Мир Александра Вампилова. С. 261–264.

шет: “Речь идет о реабилитации Виктора Зилова как живой и совестливой личности, о трагической вине героя и его беде... О резком отделении этого образа от понятия “зиловщина”¹. До 1977 года, сетует автор, это ее мнение не принималось к публикации.

Даже В. Распутин, вначале весьма резко отозвавшийся о Зиллове: “Зилов – это не просто герой, один из героев вампиловских пьес, это тип, явление далеко неординарное и безопасное, и с “зиловщиной”, пустившей глубокие социальные корни, нам впереди еще бороться и бороться, страдать от нее и страдать”² – хоть и не меняет своего отношения к нему двадцать лет спустя, утверждая, что это “нерядовая личность, спустившая себя по мелочам, по пустякам”, однако же смягчает тон, вкладывая в уста Зилова, раздумавшего покончить с собой, такие доводы: “Ты (автор пьесы. – В. С.) не написал меня отпетым, никчемным и пропащим человеком, о котором, как об отце братьев Карамазовых, напрашивается вопрос: “Зачем живет такой человек?” Ты дал мне ум, совсем не злой, дал способности и обаяние, позволь мне положиться на них”³.

Таков разброс мнений.

А теперь дадим слово автору и обратимся к страницам “Утиной охоты” еще раз.

* * *

Начало истории – первые картины воспоминаний Зилова. Мы видим перед собой достаточно жизнерадостного и достаточно благополучного героя. Он живет предвкушением отпуска с охотой на уток, мечтает стать метким стрелком, радуется, что получил квартиру (“сам не верю”), отмечает новоселье. Доволен подарком четы Саяпиных – охотничьим снаряжением. Развлекается тем, что, пытаясь отделаться от надоевшей любовницы, предлагает ее своему начальнику. И хотя уже чувствуется в поведении Зилова “небрежность и скука”, но еще вполне ощутима “уверенность в своей физической полноценности”. Последнее звучит странно, не правда ли? Возьмем на заметку, но не будем останавливаться – Зилов определенно хорош собой, он обаятелен, он способен очаровать юную Ирину и сам искренне очарован ею, при этом не спешит расставаться с женой, не желает ее терять. В общем, это грешный, но живой человек, которому хочется пожелать поскорее распутать завязавшиеся узлы. Одна из ошибок постановщиков – они нередко проходят мимо вот этого, пока всего лишь настораживающего озорства героя, драматизируя его образ сразу.

Однако с каждой новой картиной узлов становится больше, они затягиваются ту же. Совершен подлог на работе; жена, перестав верить, избавляется от беременности; отменяется поездка на похороны отца. Дальше – уже обвалы: разрыв с женой, пьяный скандал в кафе с оскорблением всех, попытка самоубийства, новый скандал с друзьями, уже на трезвую голову, и – успокоение, звонок напарнику по охоте: “Извини, старик, я погорячился...”

Перед нами картина распада, совершенно очевидная. Другое дело, она вызывает не только осуждение, но и сострадание, и есть тому причины, иначе бы спорить было не о чем. Мы не обойдем этого, но сначала возразим защитникам Зилова.

* * *

Оправдание главного героя “Утиной охоты” далеко небезвредно. И мы все не собираемся морализировать по поводу его “заносов”. Важнее другое: посмотреть, как неверная логика в толковании характера Зилова приводит

¹ Стрельцова Е. Плен “Утиной охоты”. С. 233.

² Распутин В. Истины Александра Вампилова // Распутин В. Что в слове, что за словом? Иркутск, 1987.

³ Распутин В. С места вечного хранения // Распутин В. В поисках берега. Иркутск, 2007. С. 347.

к искажению характеров других персонажей и тем самым к искажению смысла пьесы.

То и дело слышишь о том, что Вампилов не осуждал своих героев, а страдал им. Но почему такой подход относится только к Зилову? Как так случилось, что на всех остальных мы стали смотреть не с вампиловским сочувствием, а с зиловским раздражением?

В результате, например, Кушак, невредный начальник, помогающий молодым сотрудникам получать квартиры, “решительный и деловитый” “на работе”, согласно ремарке, и “нерешительный и суетливый” “вне учреждения”, у Н. Антипьева вырастает в неоправданно зловещую фигуру. Хотя критик вынужденно признает: “Вампилов снисходителен к подобного рода персонажам: что с них возьмешь”¹. Так и верно, что с них возьмешь! Мелковаты... Кушак, бесспорно, пошел, и свою пошлость боится показать, и заслуга ли Зилова, что именно он дает ей ход наружу, инструктируя шефа, как добиваться хорошенькой женщины? Это еще одно “доброе” дело нашего героя.

Саяпин тоже утяжелен винами. Почему-то все уверены (полное единодушие критиков), что засекли этого незадачливого парня на коварном намерении завладеть квартирой Зилова после его смерти. Поверили Зилову больше, чем автору! Но автор не дает на то оснований.

Главная черта Саяпина (читаем ремарку) – простодушие (синоним: бесхитрость, доверчивость, СРЯ. В 4-х тт. Т. 4. 1987), на что указывается не однажды. И нельзя согласиться с Н. Баландиной, которая считает, что слово “вид” в ремарке о Саяпине “Вид у него весьма простодушный” означает умение “быть разным в нужные моменты, принимать на себя какой-нибудь вид с целью ввести в заблуждение”² (то есть – прикидываться). А как быть со следущими за этой фразой словами: “Он любит посмеяться. Часто смеется некстати, иногда, даже себе во вред, не может удержаться от смеха”? Где же здесь притворство? И в ремарке об Ирине автор предупреждает: “В ее облике ни в коем случае нельзя путать... душу с простодушием” – этим противопоставлением Вампилов отодвигает “простодушие” в более низкий ряд, ближе к простоте, которая, согласно поговорке, хуже воровства. Вот это как раз про Саяпина, что и подтвердит так повредивший ему разговор о зиловской квартире в неподходящую минуту.

Обратимся же к этой сцене, одной из ключевых в пьесе, чтобы прояснить образ Саяпина, и не только его.

Итак, друзья мрачно и зло пошутили – прислали траурный венок живому Зилову. Сделали они это в отместку за устроенный им скандал в “Незабудке”, после которого им же и пришлось мертвецки пьяного приятеля по дождичку тащить домой. Наутро, не в силах вынести физических и нравственных мучений, Зилов принимает решение покончить с собой и звонит друзьям, приглашая на собственные поминки. (Его хватает на ответный ход: прислали венок – получайте похороны.)

Кузаков и Саяпин примчались тотчас. Плохие или хорошие, но они не дали Зилову застрелиться – Кузаков выхватил ружье. Они явно пожалели о розыгрыше.

“Кузаков. А что касается венка, я готов просить у тебя прощения... Я в этом не участвовал, но о венке я знал, значит, и я тут виноват”. И вполне логично, что, напуганные видом Зилова, его приготовлениями, прочитавшие его предсмертную записку, они начинают отговаривать его от его замысла. Он не хочет слушать, не верит раскаянью Кузакова, гонит обоих вон. Друзья не уходят, и следующее побуждение Саяпина, опять-таки естественное, отвлечет Зилова разговором. Но во что это выливается в пьесе-игрище!

“Саяпин. Ребята. Что же вы молчите? Поговорим о чем-нибудь, а? (Маленькая пауза.)

(Простодушно.) Витя, ты замечаешь, у тебя полы рассыхаются... Придется ремонтировать. (Поднимается, подходит к кухонной перегородке и стучит по ней.) Картон... Картон и штукатурка. Халтура... Плохо стали дома делать... (Подходит к другой перегородке.)

Зилов наблюдает за ним с возрастающим любопытством”.

¹ Антипьев Н. П. Виктор Зилов как литературный архетип // Мир Александра Вампилова. С. 280.

² Баландина Н. В. Речевые приемы создания ремарок-характеристик в пьесах Вампилова // Мир Александра Вампилова. С. 30.

Юмор в том, что говорить ни о чем, как о квартире, находясь у Зилова, Саяпин не может. Мы знаем, с каким нетерпением он ждет своей очереди, уверен, что Кушак поможет и ему — ни тени сомнения. “Обещал — делает. Ты получил, и я получу”, — говорит он Зилову в день новоселья. Да, Саяпин завидует Зилову, а вид рассыхающихся полов искренне его огорчает, как будто это его, Саяпина, недавно полученное жилье уже требует ремонта. Вот этот-то заинтересованный, ревнивый взгляд и уловил Зилов и умело им воспользовался, чтобы обрушить невыносимый груз своих переживаний на друзей. Так он поступает не впервые. И Кузаков совершенно прав, когда говорит Зилову: “Перестань, ты его не так понял”.

Саяпин не способен на столь чудовищную злонамеренность. Он слаб характером, дома им командует жена, на работе верховодит Зилов. Вспомним, как он принуждает его подписать вместе с ним липовый проект, и Саяпин поддается, хотя и боится потерять замаячившую квартиру. В момент разоблачения не говорит правды, попросту отказывается от всего: “Я не в курсе этой статьи. Ее готовил Зилов. Я ему доверил”. В этом эпизоде Вампилов хорошо показал, как просто и буднично может выйти предательство. Ведь никакого коварства со стороны Саяпина не было. Сначала он всего лишь уступил злу — предложению Зилова пойти на обман, а потом и сам содеял зло, оправдываясь. Со своей совестью, наверное, договорился так: я не виноват, я же не хотел этого, Зилов все затеял — пусть и отвечает. И вполне в духе Вампилова, что сочувствие вызывают оба: жаль Саяпина, когда Зилов буквально дожимает его поставить свою подпись, но жаль и Зилова, вынужденного отвечать в одиночку, пусть он и больше виноват.

В сцене с квартирой проявилась приземленность природы Саяпина, элементарность его запросов к жизни. То, как он ходит, постукивая по стенам и все больше увлекаясь осмотром, симпатий к нему вызвать не может. Вот почему мы так легко верим Зилову в его подозрениях. Тем более — на наших глазах Зилов едва не расстался с жизнью — что ему квартира! Вот в таком настроении мы и встаем рядом с Зиловым в гордую позу обличителей.

Встаем, не замечая, что Зилов повторил с Саяпиным то же самое, что когда-то с Галиной, только грубее. Это произошло во время их объяснения в кафе в день прихода телеграммы о смерти отца. Галина признается, что получает письма от друга детства. Причина признания — она снова убедилась в своей ненужности Зилову, который отказывается взять ее с собой на похороны и вообще хочет поскорее отослать домой. Но Зилов этой причины не видит или не желает видеть. Он имеет право возмутиться: “И ты решила сказать мне об этом именно сейчас?” Галина не может не почувствовать себя виноватой. Зилов же свое право возвышает до патетики: “Ты понимаешь, до чего ты дошла?! И чтобы такую женщину я привел на могилу своего отца?” Галина потрясена: “Ты с ума сошел! Сам не знаешь, что ты говоришь...”

Точно так же потрясен Саяпин и точно так же восклицает: “Старик, ты с ума сошел!” Но Зилова уже не остановить: “Бросьте, ребята, не будем сентиментальничать, чего уж тут. Признайтесь, вам обоим это на руку” и т. д.

Вот так Саяпин, жертва зиловской демагогии, становится невиданным негодяем.

Другое дело официант Дима. Тоже приглашенный Зиловым, он появляется позже, хотя его кафе рядом. И он тоже заводит отвлекающий разговор на тему охоты (каждый о своем): дескать, заряды у тебя ненадежные. Берет у Саяпина патрон, вынутый Кузаковым из ружья, и, сообщив, что дождь кончился и можно выезжать, “играючи” вставляет патрон обратно. Зачем? Подталкивает к самоубийству — догадается не в меру проникательный читатель. Да нет... Затем, что Дима пока что не верит в серьезность намерений Зилова. Зная характер Виктора, он действует по своей программе: собирается на охоту, зовет напарника с собой, пытается урезонить: “Спокойно. Возьми себя в руки!..” А когда до него доходит, что здесь все может случиться, не прочь воспользоваться “расстройством” Зилова и “если что”, прибрать его лодку к рукам. Ему не особенно важно, что будет с Зиловым, хочет — живет, хочет — не живет, он-то тут при чем? Но зачем же лодке пропадать!

Материализм — главная черта официанта, и к нему не применимы понятия идеального мира: совесть, долг, вера, сострадание. Он ни добр, ни зол — рационален. Автомат, биоробот. Вот почему он “жуткий” и “ужасный”. Вампилов не любил материалистов, и эта определенность отношения выразилась

в том, что образ официанта не вызывает разнотолков. Речь может идти только о деталях. Бессмысленно, например, предъявлять официанту претензии за то, что он исподтишка бьет пьяного Зилова в ответ на его “Ты лакей”, а после не признается в этом. Здесь не столько трусость, сколько расчет: Зилов ведь все равно не помнит, а расскажи ему, может и не поверить и начать новые разборки. Зачем? И своя, мелкая, правда: он меня унижил — я ответил (Дима, наверное, все-таки считал себя другом Зилова, в меру своего понимания дружбы). И никакого снисхождения к пьяному, это не Кузаков с Саяпиным, которых было нетрудно остановить Вере одним возгласом: “Не будете же вы бить пьяного?”

Но в конце концов выбирает Зилов именно его, официанта Диму — вот в чем дело.

А не, допустим, Кузакова. . . От него — все дальше и дальше. А между тем Кузаков достоин более справедливого отношения не только со стороны Зилова, но и со стороны всех нас.

Автору этих строк уже приходилось, и не однажды, писать о Кузакове (впервые 25 лет назад) как о единственной фигуре, которая противостоит Зилову¹. Нельзя сказать, чтобы этого совсем не замечали, но. . . Так, В. Курбатов писал в 1987 году: “Может быть, один Кузаков. . . противостоял Зилову. . .” В. Курбатов в целом верно, на наш взгляд, оценивал этот образ, видя силу Кузакова именно в спокойствии и незаметности, что особенно раздражало Зилова. Но критик скоро спохватывается: “. . . пожалуй, я тут придумываю этот необходимый позитив” и, напоследок отметив, что “Кузаков — парень нормальный”, уравнивает его с остальными: “Они все нормальные, просто люди, а Зилов не хочет просто”².

С годами для Кузакова ничего не изменилось, и рядом с Сарафановым и Валентиной он никогда не упоминается. Отсутствие “яркой внешности”, его “задумчивость”, “самоуглубленность”, “умение слушать других”, спрятанные за непрезентабельной одеждой, прочно задвигают Кузакова на второй план, где он и пребывает. Режиссеры не знают, что с ним делать, рисуют его то смешным, то нелепым, то прекраснородушным романтиком, опять-таки смешным. А то, что именно Кузаков один из всех увидел в Вере человека и вывел из круга аликов, что он один говорит Зилову правду о нем, пытается разубедить в искаженном восприятии жизни, наконец, что это в его уста вложена автором фраза, которая трижды звучит в пьесе как приговор: “Жизнь в сущности проиграна” — все это ничего не стоит в глазах увлеченной игрищем публики! Более того, Н. Антипов, например, предъявляет Кузакову нешуточные обвинения в предательстве.

Первое — в розыгрыше с венком. Но у нас нет никаких оснований не верить признанию Кузакова: “В этом я не участвовал, но о венке знал” — и искренности его раскаянья. Второе — когда Зилов, овладев ружьем, заставляет всех уйти: “Все алики исчезают, в том числе и Кузаков. Оставляя Зилова наедине со смертью. Ситуация ошеломляющая”³. В беспочвенности этого обвинения нетрудно убедиться, если внимательно и без предвзятости перечитать текст про то, как Зилов разворачивает ружье от себя на друзей, внезапно преобразившись в борца за свое имущество. “Уже слетелись? — злобно вопрошает он. — Своего вам мало?.. Крохоборы!.. Но теперь вы у меня ничего не получите”.

Кузаков дольше всех стоит под нацеленным дулом, упорно повторяя сначала “Врешь”, потом “Не уйду”, до тех пор, пока официант не выталкивает его из комнаты. (Кстати, надо отдать должное официанту. В столь острый момент он действует с охотничьей сноровкой: трезвая оценка опасности, быстрая реакция. Будучи сильнее и хладнокровнее других, он пытается взять инициативу в свои руки, однако поединок с вооруженным Зиловым проигрывает.)

Предательство Кузакова, видимо, в том, что он не подставил свою голову под выстрел.

¹ Семенова В. Отошли Вампиловские дни. . . // Лит. Иркутск. 1988. 31 марта. С. 6–7.

² Курбатов В. В глубь уходящих и мерцающих звезд / Предисл. к кн.: Александр Вампилов. Утиная охота: Пьесы. Иркутск, 1987. С. 18.

³ Антипов Н. П. Виктор Зилов как литературный архетип // Мир Александра Вампилова. С. 275–276.

Да, друзья оставляют Зилова с ружьем в руках. Уходит со всеми и Кузаков¹. Но надо принять во внимание: Кузаков и Зилов вообще сильно расходятся к концу пьесы. Разный наклон судьбы – Зилов все теряет, Кузаков, напротив, находит свою любовь. Он окрылен и не видит всей драмы Зилова. Это следует из его слов в той же сцене с ружьем: “Да что же все-таки случилось? В чем дело?.. Чем ты недоволен? Молодой, здоровый, работа у тебя есть, квартира, женщины тебя любят. Живи да радуйся. Чего тебе еще надо? – И дальше: – Кому она нужна, твоя смерть, подумай сам... А если тебе не нравится твоя жизнь, ну и отлично, живи по-другому, кто тебе мешает? И не суди по себе, не думай о людях скверно”.

Здесь более всего справедливы последние слова “не суди по себе”, что же касается предыдущих – в них тоже правда, но не вся. Убедя друга не судить по себе, Кузаков как раз судит по себе, как счастливый человек. И его давешнее невеселое наблюдение о проигранной жизни, которое мы привыкли распространять не только на Зилова, но и на всех остальных, теперь к нему, Кузакову, отношения не имеет.

Несчастье Зилова и счастье Кузакова – еще один, незамеченный конфликт пьесы.

Ружье, наведенное Зиловым именно на Кузакова, говорит об их глубоком расхождении, как и ответ Зилова на призыв Кузакова “жить по-другому” – “Толя, гони этого праведника из своей квартиры”.

Вполне правомерно задать вопрос: что же мешает увидеть Кузакова в пьесе как носителя добра? Внешняя незаметность – да. Но и другое, более важное. Кузаков не пытается встать над всеми – он один из всех. Он противостоит среде внутри среды, а это неизмеримо труднее, чем извне. Вспомним Чацкого из “Горя от ума”, который, по возвращении из дальних странствий, вдруг нашел общество донельзя закосневшим и бросился это общество обличать. Кузаков не обличает – скорее увещевает того же Зилова. Более того, он берет на себя, точнее, за себя грех своей среды – Веру. И потом, мы почему-то забываем, что все добрые люди в пьесах Вампилова – это не герои-победители в сверкающих одеждах, а люди весьма скромные, неброские на вид, много претерпевшие в жизни, зачастую жертвы обстоятельств.

В чем можно упрекнуть Кузакова, так это в излишней доверчивости. Не всякий согласится с ним в его восприятии Веры: “Она совсем не та, за кого себя выдает”. Недооценивает он и Зилова, когда однажды скажет, что всегда считал его всего лишь “мелким шкодником”. Да он и не оценивает, ни Веру, ни Зилова – Веру он любит, Зилов – его друг, и друга он не судит, лишь одергивает, когда тот совсем уж зарывается.

Такое отношение – приятие без опаски – к ближнему опять-таки характерная черта лучших из вампиловских героев. Не имеющие зла в себе не подзревают его в других. Разве предвидела Валентина, чем кончится ее поход с Пашкой на танцы? Она просто пожалела его и никак не ожидала в ответ насилия. Доброта и недоверчивость по Вампилову – вещи несовместные.

Таким образом, зилдовская компания выходит весьма неоднородной. Перед нами разные характеры, разный нравственный уровень – вот что главное. Именно это имея в виду, только и можно пытаться разгадывать загадку “Утиной охоты”, загадку ее главного героя.

* * *

Принято противопоставлять Зилова остальным действующим лицам пьесы. А через них и обществу. Это давняя известная практика социального подхода. Мы так изучали классику: “Чацкий и фамусовское общество”, “Онегин и высший свет”, “Страдающие эгоисты Арбенин и Печорин”, жертвы своей социальной среды и ее обличители...

¹ В одном из вариантов этой сцены Кузаков уходит сознательно, даже демонстративно. Более того, со словами “На, стреляйся” он отдает Зилову ружье, понимая, что Зилов начал блефовать и никакого самоубийства не будет. Так и происходит. (Александр Вампилов. Драматургическое наследие. Иркутск, 2002. С. 616). К слову, семь фрагментов варианта “Утиной охоты” свидетельствуют о том, что Вампилов много работал над характерами своих героев. Так, первоначально образ официанта был более однолинеен. В сцене с попыткой самоубийства Зилова он вообще отсутствовал, и вовсе не с ним собирался Зилов на охоту.

Вопрос на самом деле интересный. Прогрессивный герой опережал общество в развитии и потому получал право презирать его и обличать. И не важно, что сам он принадлежал к этому обществу. Но почему не важно? Не обличают же образованные дети своих малограмотных родителей. Не смотрят свысока на родную деревеньку или родной городок те, кто прославился в столицах. Всякое высокомерие в подобных случаях справедливо осуждается. И потому многие, напротив, стремятся помочь тем, кого они переросли, да еще так, чтобы не обидеть.

Мы, наверное, слишком всерьез восприняли героев-протестантов, которые необходимы писателю как прием. Это они, писатели, осуждают пороки общества, но осуждают устами своих героев. И уже в том ответственность читателя, если он романтизирует такого героя, да еще пытается ему подражать! Оттого так смешон бывает молодой человек, принимающий разочарованную позу Онегина или Печорина. Совсем иное дело подражать герою-защитнику, герою-освободителю!

В ряд жертв-обличителей общества ставится критикой и Зилов. Насколько это правомерно – давайте посмотрим.

Для полноты картины прежде зададимся вопросом: откуда приходят люди в общество? Правильно, из семьи. О семье Зилова сведения очень скудные, но кое о чем догадаться можно. Например, о том, что Зилову, вероятно всего, не пришлось испытывать нужды в детстве, как пришлось самому автору пьесы и многим его сверстникам, родившимся в конце 30-х годов XX столетия. Если отец героя стал персональным пенсионером, значит, занимал в свое время достаточно высокое положение. И мы не знаем, истинными были его заслуги или мнимыми – его письмо никаких сведений на этот счет не содержит. Известно одно: старик-отец зовет сына повидаться, предчувствуя близкую смерть, а сын его предчувствиям не верит. Мы вынуждены гадать: или сын когда-то разочаровался в отце, или дитя было просто избаловано. Ведь Зилов равнодушен и к матери. О ней – совсем ничего, одна просьба отца: “и мать надо утешить”.

Во всяком случае, по словам “ты, как говорит мой папаша, ленив и развращен”, процитированным Зиловым Саяпину и, очевидно, сказанным когда-то в адрес Зилова-младшего, по зиловским выражениям “старый дурак”, “лежит, собака, ждет” – можно судить, что в семье с воспитанием сына не заладилось.

Теперь вернемся к ремарке о Зилове, той, самой первой. Она как раз подтверждает нашу версию предыстории героя. В ремарке говорится о том, что молодой человек (около 30 лет) “довольно высок, крепкого сложения; в его походке, жестах, манере говорить много свободы, происходящей от уверенности в своей физической полноценности. В то же время и в походке, и в жестах, и в разговоре сквозят некие небрежность и скука, происхождение которых невозможно определить с первого взгляда”.

Если вдуматься, характеристика содержит мало хорошего. Весьма прозрачно намекается на самоуверенность, самонадеянность героя. Хуже того, словосочетание “физическая полноценность” отдает биологией, понятием “самец”, плюс “небрежность и скука” – известные спутники пресыщенности жизнью.

Удивительное дело! Чем больше вчитываешься в пьесу, тем больше невнимательности обнаруживаешь по отношению к ремаркам. А ведь у Вампилова ремарка особенная – развернутая, обстоятельная, с оценкой характеров и поведения персонажей, но не любовой, а психологически тонкой и точной. Этим он вошел в энциклопедии, но остался не прочитан теми, для кого это все было написано.

“Много свободы” и самоуверенность – путь к победе, не зря имя Зилова – Виктор (победитель). Ведь по сути он добивается всего, чего хочет. От Галины – чтобы прощала, от Ирины – чтобы любила, от Саяпина – чтобы подписал “липу” вместе с ним, он уже и своим начальником руководит “вне учреждения”... Ум и артистизм помогают ему в этом. Почему же нас не ужасают такие “победы”? Почему нас прельщает яркое зло и оставляет равнодушными некрикливое, искреннее добро? Не сказалась ли на восприятии “Утиной охоты” искаженность общественного сознания, его неспособность воспринять пьесу на высоте авторского видения наступательной безнравственности?..

Зилов оказался без настоящего дела, без служения. Насколько проще было обрести себя следователю Шаманову из “Прошлым летом в Чулимске”:

любовь Валентины окрыляет его, и первое, что он делает – отправляется отстаивать справедливость в своем следовательском деле. Ему есть куда направить силы. А куда их направить Зилову? И в чем виновато перед ним общество? Разве что в потакании его распущенности, в бессилии остановить его куражи.

* * *

Было бы просто судить об “Утиной охоте”, если бы речь шла об одних куражах легкомысленного человека. Но не раз и верно отмечалось, что к героям Вампилова трудно приложимы понятия “положительный” или “отрицательный”. Так, Дергачев из только что упомянутой драмы при всей его пьяной грубости вызывает сочувствие, тогда как курсант Кудимов из “Старшего сына” отторгает своим стремлением добиться правды и немедленно объявить ее.

Вот и Зилов вносит смятение внезапно заговорившей в нем совестью. Еще бы! Казалось, уже нет предела цинизму, и вдруг – человек-то, оказывается, все понимает! К раскаявшемуся грешнику – особое великодушие, и мы готовы простить все.

Да и как может быть иначе, кого может оставить безучастным знаменитый монолог Зилова перед дверью, обращенный к Галине? Зилов говорит “искренне и страстно”, он беспощаден к себе: “Я сам виноват, я знаю... Я тебя замучил, но, клянусь тебе, мне самому опротивела такая жизнь... Что со мной делается, я не знаю... Не знаю...”

В этих словах – боль страдающей души, ощущение края бездны. Зилов наконец увидел себя, каков он есть, и ему стало жутко. “Помоги мне! Без тебя мне крышка”, – взывает он к той, что так долго его терпела. Он хочет удержать Галину любой ценой, всем, что у него есть. Это все, святая святых – утинная охота. Он готов взять Галину с собой, “...ни одну женщину. Только тебя...” И какой неподдельный восторг перед великолепием природы! Зилову доступно самое высокое из человеческих чувств – благоговение.

Его исповедь открывает в нем присутствие духовного начала, которое есть представление об идеальном и способность к раскаянию. Для Зилова идеальное – в чувстве единения с природой, растворенности в ней в момент созерцания картины восхода солнца над туманом озера. Ради этого мига он живет и ждет его целый год. Он испытывает, безусловно, религиозное чувство, недаром звучат такие слова: “Это как в церкви и даже почище, чем в церкви...” – в своем переживании он интуитивно обращается к образу святости.

И здесь не хочется возражать защитникам Зилова, считающим, что вот оно, его возрождение, уже началось! И хочется не соглашаться с В. Курбатовым, такой надежды не имеющим: по его мнению, утинное озеро для Зилова – “единственное место, где он был на краткое время жив, но к концу пьесы, кажется, и туда поедет трупом – спокойным убийцей вроде дружка Димы”¹. Нет, говорим мы, есть, есть в Зилове хорошее, и может, оно еще не погибло!..

Но духовное, как известно, выше душевного, и мы не должны забывать, что обожествление природы есть признак язычества. Словно мгновенной вспышкой высветил Вампилов состояние своего героя-современника, жаждущего высокого и вечного, но устремленного в духовном поиске к земному.

В связи с этим открывается целая тема под названием “Религиозность советского человека”. Но мы не будем в нее вдаваться, напомним только, что речь идет о времени, когда путеводные звезды социализма, утверждаемого на материалистических принципах, стали тускнеть, и человек, не нашедший своего бога в творческом труде или иной сфере, устремлялся к какой-нибудь отдушине: на природу, рыбалку-охоту, в горы, просто “за туманом, за запахом тайги”. Подобные занятия не вмещало модное западное словечко “хобби”. Недаром Зилов грубо обрывает Кушака, назвавшего таким словом утиную охоту: “Какое еще к черту хобби! Охота она и есть охота. (Фыркнул.) Хобби! Чем говорить такие пошлости...” и т. д.

Надо ли объяснять, что человек находил в этих отдушинах лишь временное утешение, недолгое счастье, сплошь и рядом продолжая быть несчастным в повседневной жизни. Не подчиненная большой цели, она становилась прозябанием, и об этом было немало сказано советской литературой.

¹ Курбатов В. Слово о Вампилове // Мир Александра Вампилова. С. 9.

Молодые герои Вампилова вроде бы страшно далеки от мысли о Боге. Они хотят жить весело и получать удовольствия от жизни. Однако совесть, эта посланница Бога, вершит свой суд над их поступками, и вопрошающий голос Достоевского: если Бога нет, значит, все позволено? – так и витает над страницами, полными юмора и парадоксов. И видимо, совсем не случайно в пьесах драматурга, внука православного священника (а детей в семье Вампиловых воспитывала бабушка, вдова этого священника, репрессированного в 30-е годы), то и дело проскальзывают слова и фразы, исполненные религиозного смысла. Это уже приведенное сравнение рассвета на озере с церковью; брошенное Зиловым об Ирине: “Она же святая”; слова Галины о том, что ей хотелось бы обвенчаться с Зиловым в церкви, и упомянутая церковь-планетарий... Вспомним и Шаманова: “... Я подумал: если бог есть, то сейчас я тебя встречу... Кто докажет мне теперь, что бога нет?...” Можно упрекнуть героя в упрощенном толковании божественного присутствия, но, с другой стороны, чем ему еще обозначить чудесный поворот в судьбе?

Драма Зилова – это драма безверия, и сам Вампилов говорил об этом. Известны свидетельства тех, кто хорошо знал драматурга. Одно из последних – в воспоминаниях Т. Бусаргиной, где она передает мысль Вампилова об “Утиной охоте”. “Во всю пьесу проходит, как тень отца Гамлета, наша духовная опустошенность, наша душевная неряшливость, когда мы не можем отличить подлость от невинной шуточки”¹.

* * *

Другое упование Зилова – любовь к женщине.

Он отдается этому чувству настолько безоглядно, что остается лишь гадать, чего здесь больше – легкомыслия или искренней, до самозабвения, влюбчивости. Встретив Ирину, он вмиг теряет голову, бросается вслед со словами: “Может, я ее всю жизнь любить буду”. Раньше, видимо, так же бросался за Верой, еще раньше – за Галиной. И во всех трех вызвал ответное чувство. Чего он ищет? К кому привязан больше?

Последнее объяснение с Галиной говорит о том, что дорожит он именно ею. Во всяком случае, только к ней обращены слова признания – “Я люблю тебя”, и когда вместо Галины появляется Ирина, он “поражен, растерян”. Игра, в которой Зилов не знает границ, возвращается бумерангом, и, сбитый с толку, он говорит Ирине первое, что приходит в голову, машинально врет. От ответа на ее вопрос – “Ты в самом деле меня так любишь?” – уклоняется: “Как?” – “Так, как ты сейчас говорил”. – “Ты что, сомневаешься?” После ее вопроса: “Когда мы поедем на охоту?” раздражается смехом, потом отмахивается: “Скоро, скоро поедем”.

Все женщины в “Утиной охоте” (кроме Валерии) – по первому взгляду жертвы Зилова, его непостоянства. Он заставляет страдать жену, с легкостью обманывает ее; увлеченный Ириной, выказывает равнодушие к сообщению Галины о будущем ребенке, в ответ на просьбу увидеться приводит убийственный аргумент: “Ведь не сию же минуту он у тебя будет”. И Галина от ребенка отказывается.

Вина Зилова огромна – надо ли говорить... И если спросить в этом месте пьесы адвокатов Зилова, не хотели бы они, чтобы человек, подобный Зилову, оказался на пути их дочери или сестры, ответ, думаем, вполне предсказуем, если они не враги своим близким. Но ради справедливости поставим вопрос и по-другому: а что если Зилов – это наш брат, сын наших друзей? Мы, конечно, не станем его оправдывать, но, пытаясь чем-то помочь, мы особенно будем желать ему добросердечной, мудрой, самостоятельной жены.

С этой точки зрения, при всем сострадании к Галине ее поступок поражает какой-то даже неправдоподобной, нехарактерной для нее жестокостью. Она слишком легко отказывается от ребенка, причем желанного ею ребенка. Даже если муж не годится быть хорошим отцом, мы знаем, сколь многие жен-

¹ Бусаргина Т. Тот вечер и та ночь... Воспоминания о Вампилове // Созвездие дружбы. 2007. № 3. С. 94–98. Бусаргина Т. Г. – кандидат искусствоведения, жена писателя Глеба Пакулова.

щины берут на себя трудное счастье одинокого материнства. Да, неполная семья – это нелегкая судьба, и Вампилов, сам выросший без отца, не однажды коснулся драмы сиротства в своем творчестве.

Галина оказалась не из тех женщин, кто надеется ребенком скрепить семью. (Надежда, конечно, зачастую призрачная, но все бывает.) У нее иная логика. Если отцу ребенок не нужен – лучше ему не появляться на свет. Лучше изменить свою жизнь, устроить ее с тем, кто будет заботиться о семье. И она не просто уходит, а уходит к другому.

Женщины в пьесах Вампилова, надо заметить, создания хрупкие, нежные и незащищенные. Только рядом с мужчиной они могут исполнять свою роль. Она заключается в том, чтобы любить и прощать. Вести какую-то свою линию им не дано. Более того, чем они самостоятельнее, тем малосимпатичнее. Например, энергичная Валерия, “боевая подруга” Саяпина. Или взять Галину – ни одного штриха на тему, какая она учительница, мы не найдем. Единственное замечание в ремарке, что ее работа отрицательно сказалась (вкуче с замужеством) на ее изяществе, и только. В других пьесах одинокие Макарянская и Кашкина как личности вообще ничего из себя не представляют, их единственная цель – выйти замуж... Жена Репникова, посвятившая себя семье, испытывает неудовлетворенность не от своего самопожертвования, а оттого что Репников не состоялся как ученый. Анна Хороших – воистину страстотерпица семейных уз.

Но почему же тогда любовь и преданность женщин надоедают Зилову? Ответ по Вампилову – виновата натура Зилова, его неисправимое легкомыслие.

И здесь мы не можем разделить авторского взгляда на предназначение женщины, жены. Берем на себя ответственность предположить: не ищет ли герой “Утиной охоты” в женщине какой-то иной основательности, помимо способности следовать во всем за мужчиной? Вроде нет особых причин для постановки такого вопроса. Вспомним, как умильно звучит Ирину: “Я послушная девочка. Я вела себя, как ты велел...” Как это трогает Зилова, а еще больше трогает, что для Ирины не имеет значения, женат он или нет. Вспыхнувшее чувство благодарности к искренней, чистой, неискушенной девочке столь велико, что побуждает Зилова поцеловать ей руку и не расстаться с ней в эту минуту. Ее непосредственное, после пережитого, “Я хочу есть” для него важнее всего, важнее самолета, который должен доставить на похороны отца...

И все равно заскучать с Ириной, выставить ее на позор в пьяном кураже?..

Нет, видимо, все-таки мало для жены быть только “надежным тылом”, тенью мужа, особенно если муж не слишком устойчив. Важно еще и уметь разделить с ним думу – зачем живем, к чему стремимся, одних ли земных благ домогаемся? Не в этом ли старинное представление о разумной жене? И есть союзы, и немало, где именно супруга несет заботы о духовном здоровье семьи.

В этом смысле Виктору Зилову не так уж и повезло с женой, даже если и сам автор на ее стороне.

Ирина принимает эстафету от Галины у двери зиловской квартиры. Не ее ли спасительные звонки раздаются по телефону, когда Зилов готовится покончить с собой? Она молчит, не находя путей восстановления разорванной связи, но она чувствует, как ему плохо, и боится за него... Возьмет и вернется, и не станет выяснять, нужен Зилову ребенок или нет, просто родит ему ребенка, наполнит смыслом семейную жизнь, взяв, разумеется, на свои молодые плечи основную тяжесть супружества...

* * *

Но мы отвлеклись, и быть может, излишне, потому что отрываем исповедь Зилова (самое высокое в нем) от скандала в “Незабудке” (самое низкое), чего не следовало бы делать. Исповедь и скандал тесно связаны, но не так, как многие думают.

Принято считать, что Зилов, прозревший темные глубины своей души, вслед за тем перевел взыскующий взор на свое окружение и вскрыл его порочность. Так сказать, начал с себя – перешел на других. Нам же видится иная логика.

Скандал в “Незабудке” устраивается Зиловым именно после разрыва с Галиной. После того, как его покаянное слово, обращенное к ней, прозвучало.

чало в воздух. Это был удар. Зилов не только не вернул Галину, но и был внутренне оскорблен. Атеистическое сознание не могло смириться с насмешкой судьбы, с неприятием исповеди, и потому вместо еще более глубокого раскаяния — злорадия. Выплескивается все отчаянье опустошенного, потерпевшего крах человека.

Отсюда стремление напиться, циничное рассуждение о дружбе, раздражение при виде гостей, настроенных на веселье и кажущихся благополучными, мстительное желание разоблачить это видимое благополучие, вывернуть всю подноготную. А вывернуть есть что, есть! Мы уже знаем, что иные из них далеко не безгрешны, и ведь не каются!

На пафос зиловского обличительства поддаются все. Дескать, вот каково общество! Дружный хор критиков звучит на два голоса: один — что общество не лучше Зилова, другой — что гораздо хуже. При этом не замечается, что пафос-то слишком преувеличен. Ведь совсем недавно Зилов вполне беззлобно подшучивал и над Кушаком, и над Саяпиными, и вдруг: “Они пришли учить меня жить”. Что же в них изменилось? Да ничего. И потом, общество-то неоднородно, как мы уже отметили. Между Кузаковым и официантом дистанция огромного размера. Но рядом с Кузаковым Вера, и вид этой счастливой пары непереносим для Зилова. Еще бы! Та самая Вера, которой Зилов тяготился, вдруг счастлива на его глазах — и с кем? С его другом Кузаковым. Есть от чего взбеситься! И Зилов переходит всякие границы, оскорбляя всех подряд.

Сцена в “Незабудке” — не начало выздоровления Зилова, а продолжение его болезни. Другое дело, что он стал осознавать ее. Но насколько серьезно — вот в чем вопрос.

Эта болезнь, безусловно, — болезнь духа. Утрата цельности порождает двойственность. Ту страшную двойственность, когда человек, не просто имеющий и достоинства, и недостатки, но наделенный даром различать добро и зло, не делает выбора между ними, но начинает играть ими по своей прихоти. Вызвать к себе любовь, а потом уничтожить ее оскорблением — это разрушительно и для других, и для себя самого и приводит к горькой догадке: “Неужели у меня нет сердца?”.

Зилова невозможно противопоставить обществу. Он так же неотделим от него, как и от своей компании, в центр которой поставлен автором.

Герой “Утиной охоты” — скорее отражение общества, его порочной двойственности. И то, что фигура Зилова в пьесе масштабнее фигуры Кузакова, говорит о масштабе надвинувшегося на это общество кризиса.

* * *

Если и будет дано Зилову увидеть свое окружение в истинном свете, то не здесь и не сейчас. Это произойдет позже, без истерики, во втором видении своих похорон.

На самом деле видение было одно, просто оно повторилось. Повторилось полностью, выпала лишь последняя фраза о венке как ненужная — венок уже был.

Эта метаморфоза, блестяще выстроенная драматургом, обозначила границы самоанализа героя, ознаменовала начало и конец игры. Первая вариация — как продолжение розыгрыша, продолжение кошуинства на тему смерти — таково состояние Зилова до воспоминаний. Воспоминания перерастают в нравственный суд над собой и заканчиваются новой вариацией видения — “без шутовства и преувеличений... то есть так, как если бы все это случилось на самом деле”.

...Перед героем проходят те, с кем он дружил и кого любил, проходят такими, какие они есть. Саяпин, любитель посмеяться, твердит, что Зилов вовсе не умер, а в очередной раз пошутил; женщины сокрушаются: не может быть! Зачем! Галина признается, что за шесть лет так и не поняла мужа (важная деталь); Кушак с его “я далеко не ханжа” туповато топчется возле Ирины, как когда-то возле Веры; официант конкретно приглашает Ирину к шести часам в “Незабудку”, Ирина все время плачет и сквозь слезы всем отвечает: “Хорошо...”

Слова Кузакова “Кто знает... Если разобраться, жизнь в сущности проиграна”, — предпоследние в первой вариации видения и последние во второй, — звучат на сей раз как итог жизни-игры.

После этих слов Зилов решает окончить свой путь выстрелом в себя. Напрашивался другой возможный финал пьесы – трагедийный. Все логично: непутевая жизнь – суд над собой – приговор – исполнение приговора.

Однако игрище не заканчивается. Может быть, автор посчитал историю Зилова недостойной высокого жанра трагедии или, как пишут, решил отвести своего героя от греха самоубийства – так или иначе, Зилов в финале спокоен, собран, готов ехать с официантом Димой стрелять уток. Нам же ничего другого не остается, как рассуждать: означает ли это спокойствие окончательное омертвление души или оно всего лишь очередной штиль после очередной бури.

Теперь несколько слов о возможном (или невозможном) возрождении Зилова. Есть ли здесь предмет для спора?

С православной позиции, близкой многим из нас, нет такого грешника, чье раскаяние не могло быть принято Всевышним. И Зилов способен испытывать чувство раскаяния. То, что оно посетило его ненадолго, не закрывает перед ним возможности пережить это чувство снова, и может, с большой силой, которая заставит его окончательно прозреть и переродиться. (Есть тому примеры.) Но никто не может знать, когда это произойдет и произойдет ли вообще. Пока что зиловское раскаяние кратковременно и сменяется озлобленностью с прибавлением грехов. Все другое – гадательно. И как не вспомнить сказанное самим Вампиловым в общении с друзьями: “Зилов остается жить, но это еще страшнее!”¹.

Вампилов нашел своего героя в жизни, показал нам и предоставил судить о нем. Вместо этого мы едва ли не попали под влияние Зилова, не осознавая, что вместе с ним оказались в тупике.

Зилов остался жить, и жизнь дописывает его судьбу.

* * *

В этом дописывании – новые объяснения характера, новые штрихи к судьбе.

... На заседании “круглого стола” на тему: “Виктор Зилов: движение образа в театральном пространстве и времени” вампиловского фестиваля 2005 года прозвучало много разных суждений критиков – москвичей и иркутян. О том, что Зилов – мировой тип человека, отказавшегося участвовать в своем времени, что в этом образе – крах шестидесятничества, отсутствие за душой последней идейной инстанции (В. Бондаренко); что в Зилове – старая, вечная болезнь нигилизма, герой без прошлого и будущего, а его покаяние – не покаяние, поскольку выход не религиозный (К. Кокшенева); неожиданно было предложено рассматривать Вампилова не в системе христианских ценностей, а буддийских (Н. Матханова, Р. Кречетова), с чем не согласилась К. Кокшенева: “Не нужно искажать духовное пространство драматурга”; что резерв воскрешения героя не в “Утиной охоте”, а в “Прошлым летом в Чулимске” (И. Плеханова).

Была высказана и такая мысль: несчастье Зилова в том, что драматург поделил его творческой натурой, но поместил в нетворческую атмосферу “конторы” БТИ, отсюда неудовлетворенность жизнью (П. Громов). Помнится, В. Бондаренко возразил: в подобном бюро в свое время работал такой творческий человек, как Эйнштейн.

И все-таки мысль достойна внимания и развития.

Если посмотреть на Зилова как на творческую натуру, но не научного, а художественного толка, многое увидится по-другому. Недаром писатели вампиловского круга находили в этом герое свои черты, чему немало и печатных, и устных свидетельств. (И сам Вампилов однажды воскликнул: “Зилов – это я!”). Правда, надо иметь в виду, что это было сказано в пылу обсуждения пьесы, в защиту ее героя, и потому не может быть воспринято буквально. А уж режиссеры, если их послушать – все сплошь Зиловы! Не понимают, бедные, что в таком случае ожидать от них чего-то стоящего в постижении Вампилова не приходится.)

Итак, художник в пору творческого кризиса – чем не Зилов? Именно художник, повторяем, – тот, что творит свой мир из живой жизни, прежде чем заносит его на бумагу или холст. Художник одновременно и сторонний наблю-

¹ Иоффе С. (О Вампилове) // Александр Вампилов. Стечение обстоятельств. С. 320.

датель и участник событий, более того – он провокатор, он заставляет людей говорить то, что они хотели скрыть, делать то, чего они не собирались делать, переживать неожиданности, словом, втягивает их в одному ему известную (и то не до конца) игру, причиняя тем самым большое беспокойство (и разнообразя их спокойную жизнь, добавим). И если художнику плохо – плохо всем. Помочь невозможно, пока он сам не найдет выход, и этот выход в одном – в творческой победе. Такая догадка о Зилове представляется нелишней.

В то же время Зилов – это, без сомнения, собирательный образ. Зиловых можно найти среди людей разных профессий и занятий, что подтвердит почти каждый. К тому же известно, что свою фамилию герой “Утиной охоты” получил от геолога Зилова, с которым Вампилов был хорошо знаком. Кстати, это знакомство проливает дополнительный свет на образ Зилова в пьесе.

В свое время свидетельств об отношениях писателя и геолога, как и о самом геологе, пока он был жив, было совсем немного. Но вот в 2003 году появляются воспоминания ветерана иркутского научного центра Михаила Тараканова, из которых можно составить более полное представление о реальном Зилове.

Из рассказанного следует, что это был, в отличие от героя “Утиной охоты”, человек состоявшейся судьбы. Автор пишет о 60-х годах, когда шел на подъем иркутский Академгородок, жизнь кипела, и для молодых ученых распахивались двери в науку. Зилов довольно рано стал кандидатом геологических наук, имел разносторонние увлечения. Вот как пишет об этом М. Тараканов: “Кажется, не было соревнований, в которых он не участвовал бы... Команду Института геологии, тогдашней “Земной коры” без него невозможно было представить. Мощный, плотный, широкоплечий, играл он больше в защите. Стоял как скала!” Писал стихи, “печатал их, даже хотел издать сборник, но так и не довел это дело до конца”, читал лекции по геологии, и не только в ИГУ, где преподавал, но и по линии общества “Знание”, опубликовал в альманахе “Ангара” научно-популярную статью. Ездил в экспедиции. “Те, кто с ним работал, рассказывали, что он добросовестно “пахал” в маршрутах и лихо пил в компаниях у таежных костров”¹.

Складывается образ человека, которому много было отпущено природой, но склонного разбрасываться и потому не достигшего всего, чего мог бы. Последние годы жизни стали тому подтверждением. Об отношениях Вампилова с Зиловым сказано, что, по словам знавших их обоих, “в застольных компаниях они любили подначивать друг друга. Иногда между ними возникали шуточные перебранки”.

Эта деталь, вместе с другими, наводит на мысль о том, что Вампилов и Зилов в чем-то не сходились, противоречили друг другу, и главное, что Вампилов наблюдал своего будущего героя со стороны и относился к нему до некоторой степени критически.

И здесь просматривается явное сходство с расстановкой героев в пьесе: Кузаков – Зилов. Кузаков – наблюдатель, журналист, сотрудник редакции, как недавно Вампилов; человек, умеющий слушать других, возможно, будущий писатель.

Да, Зилов – собирательный образ. Что-то в нем от Зилова-геолога, что-то от писателей, друзей автора, от самого автора – все так. И эта загадочность, идущая от художественности натуры, которая не подлежит разгадке, – ее просто нужно сыграть!..

Имея все это в виду, не следует закрывать глаза на очевидное присутствие автора и в образе Кузакова.

* * *

Чем мы сегодня недовольны, чем удивлены?

1968 год, “Утиная охота”. Все сказано. Все готово к развалу 90-х. Нравственная катастрофа уже разразилась. Остальное, что называется, дело техники.

Явились герои, для которых “гореть трудовой красотой” смешно, если не унижительно. Веры в светлое будущее коммунизма нет, как нет и другой боль-

* Тараканов М. Зилов вампиловский и Зилов настоящий // Культура: вести, проблемы, судьбы. 2003. Июль–август. С. 7.

шой веры, и далеко не каждый способен выстоять в повседневности быта. Часть молодежи горит “красотой” распада; огня прибавляет алкоголь, чему мы как-то не привыкли придавать значения, и спорить можно лишь о том, доглы сгорит душа Зилова или будет теплиться помаленьку, когда отбушует молодость. Старшее поколение в лице Кушака – конечно же, не те “Отечества отцы, которых мы могли принять за образцы”. Кушаки, получив свой набор жизненных благ (должность, квартира, машина, дача), обывательски самоуспокоились и теперь желают отдыхать и вкушать “клубничку”. Те же, в ком есть энергия, потребители еще более алчные. Валерия и официант Дима – готовые “новые русские”. Просто поразительно, насколько закончены их портреты! Легко представить, как при попустительстве Кушака и ему подобных “больших либералов” “контора” в одночасье превратится в торговую лавку и хозяином ее окажется бывший официант. И мы вспомним, с каким “преувеличенным достоинством” он держался и как смешно это выглядело. А он будто знал, что время его придет! Когда ярмарка заполонит все, и лишь редкие смельчаки отважатся спасти остальное – производство, науку, образование, медицину, культуру... И двойственный Зилов может вписаться в новую картину. Не стоит слишком рассчитывать на его брезгливость. Если вспомнить, с какой легкостью он пошел на подлог с проектом реконструкции фарфорового завода, когда за такие проделки могло крепко влететь, то чего можно ожидать от подобной сообразительности во времена вседозволенности и безнаказанности! И если рядом с Зиловым уже не мягкий Саяпин, а железный Дима, – чем, собственно, и кончилось, – то охота на диких уток вполне может смениться для двух друзей охотой на дикие барыши.

А вот кто уж точно непредставим в сегодняшнем мире, так это Кузаков. Вот уж кто не станет унижаться перед деньгами, так это он, потому что он из породы идеалистов. И общество многое потеряло, оттого что Кузаковых оказалось слишком мало и не смогли они противостоять натиску примитивного прагматизма. В материальном мире Кузаковы обречены на неуспешность. Их, как правило, обманывают, им – не верят. Зиловское снисходительное “Старик, ты ошибаешься, как всегда” будет сопровождать их всю жизнь. Мало того, они же еще будут оклеветаны, как это случилось в критике и о чем мы уже говорили.

Но мы так рассуждаем, будто пьеса написана не в 1968 году, а в 1988-м. А что было в эти два десятилетия? То и было, игрище с всевозможными вариациями. Писатели не молчали, выплескивая тревогу за ослабление нравственного чувства в человеке: В. Тендряков – “Поденка – век короткий” (1965), В. Белов – “Привычное дело” (1966), В. Распутин – “Деньги для Марии” (1967), Ф. Абрамов – “Две зимы и три лета” (1968), В. Розов – “Традиционный сбор” (1967), Ю. Трифонов – “Обмен” (1969) – список можно продолжить. Понимание было – перемены к лучшему отставали. Вот и косыгинские реформы, о которых теперь часто вспоминают, были начаты, а потом свернуты. Власть ли не справилась, народ ли не был готов... И то сказать, всего двадцать с небольшим лет прошло после тяжелейшей из войн. Все силы были отданы на защиту страны и ее восстановление, на реформы – не осталось. Этот новый груз требовал нового напряжения. Лошадь нельзя повернуть, не натянув поводьев. Впрочем, их и позднее не натянули, и в 90-е все понеслось и опрокинулось...

Вампилов показал непарадную сторону жизни, и это взгляд писателя, чувствующего, прежде всего, боль своего времени. Его фронтовики – люди с поврежденными судьбами – и добрый Сарафанов, и озлобленный Дергачев. Но кто посмеет упрекнуть их в слабости...

Не надо было свертывать другое, не надо было пресекать путь возвращения народа к духовным корням – православию. В жестокие годы, в войну, открывались храмы, измученные страданиями люди шли в них и находили духовную опору, церковь, как могла, помогала и фронту. Почему же в 50–60-е годы она вновь стала неуютной? Почему “железный занавес” над Страной Советов был поднят только для того, чтобы впустить западную культуру, но не культуру русского православного Зарубежья? Она пришла к нам лишь в конце 80-х, в самый канун новой смуты. Не это ли запоздание так огрубело и путь, и характер перемен. Будь духовно-нравственная атмосфера чище, глядишь, и Зиловых было бы меньше.

Атеисты могут возразить. Дескать, и в XIX веке, в православной России, подобные типы встречались, и они запечатлены в литературе. Думается, противоречия здесь нет. Всех их роднит с Зиловым охлаждение души – равнодушие, бездушие, наконец, что несовместимо с состоянием верующего человека, видящего цель своей жизни не в потреблении материального, но в обретении духовного. И потом, как в эпоху официального атеизма не все были атеистами, так и в эпоху официального православия не все были истинно верующими, что и показала русская литература. И именно религиозный кризис в России, как писали русские философы и публицисты конца XIX – начала XX века, предшествовал социальной революции. Все прежде свершается в душах людей, а потом уже в мире.

“Утиная охота” как раз об этом. Она – о личной ответственности человека перед тем, что выше его, перед тем, что рядом – семьей, обществом и страной. В том одна из прочных нитей, связывающих имя Вампилова с именами писателей-классиков.

* * *

Перечитывать и осмысливать Вампилова должно в Иркутске. Здесь самые подходящие условия. Изданы все произведения драматурга и прозаика вплоть до черновиков, выходят книги о его судьбе и творчестве. Есть среда, литературная, театральная, которая может оценить постановки его пьес. Это те, кто знал Вампилова, вместе с ним входил в литературу, кто участвовал в работе над “Старшим сыном” (реж. В. Симоновский) вместе с драматургом, создав один из самых лучших спектаклей.

В Иркутске удался на сцене Зилов, о чем забыли или чего не заметили и сами иркутяне. Причина понятна – то была одна из первых постановок “Утиной охоты”, причем силами не профессионального, а народного театра Иркутского мединститута – реж. Р. Курбатова, исполнитель главной роли П. Мутин (имена сохранились у В. Нарожного). Не мудрствуя лукаво, доверяясь автору, актер сыграл Зилова во всей гамме его противоречий: веселым, обаятельным, легкомысленным, циничным, искренне кающимся...

Отрадно, что все-таки вспомнилась эта постановка, и сравнительно недавно. Стоит привести отрывок из беседы с Н. Ковригиной, уважаемым иркутским литературоведом и театральным критиком, где она делится своими впечатлениями о спектакле, и не только о нем.

“... И театральная культура в Иркутске на хорошем уровне находилась. Я лучшей “Утиной охоты” из всех мной виденных считаю ту, что мединститут поставил в 70-е. Там главное было – понимание трагедии Зилова, а значит, понимание самого Вампилова. Жизненная среда была передана. Вот этого московские театры не понимают. Москва не знает провинции. Откуда? Наши не могут, а Москва тем более...”¹.

Иркутск сегодня, как и вся Россия, живет, сопротивляясь натиску антикультуры. И, не в упрек другим городам будь сказано, ему есть что сохранять и возрождать. Так, может, не надо ожидать, когда нас удивят приезжие театры новыми прочтениями Вампилова? Может, надо самим вчитываться, вдумываться, вглядываться в наше вчера и наше сегодня и вместо легковесных и торопливых интерпретаций вампиловских пьес постараться понять их? Пусть экспериментируют другие, нам выпадает миссия сохранения первоисточника – будем же ее достойны.

г. Иркутск

¹ Иоффе Л. Культура, которую мы потеряли?.. // Живая память Иркутской филологии. Иркутск, 2005. С. 61.